ИЗДАТЕЛЬСТВО ГРАМОТА

Филологические науки. Вопросы теории и практики
Philology. Theory & Practice

ISSN 2782-4543 (online)
ISSN 1997-2911 (print)

2026. Том 19. Выпуск 5 | 2026. Volume 19. Issue 5
Материалы журнала доступны на сайте (articles and issues available at): philology-journal.ru

RU

Антропоморфная метафорика в немецкоязычных письмовниках XVII-XVIII вв.: диахронический аспект

Корышев М. В., Богданова Е. М.

Аннотация. Цель исследования – выявить динамику преобразования семантической структуры немецкоязычной антропоморфной метафорики XVII-XVIII вв. на материале частных писем справочного характера, репрезентирующих актуальную для своего времени стилистическую норму. В статье представлена классификация 407 фрагментов образной реноминации, выделены 12 тематических категорий, формирующих мотивационную систему тропа, описано ее функционирование на трех диахронических срезах в сопоставительном аспекте. Научная новизна обусловлена тем, что в работе впервые осуществлена хронологическая стратификация системы антропоморфной метафоры на последнем этапе формирования немецкого национального языка, дифференцированы характерные для нее инвариантные и вариативные стратегии создания вторичной образности. В результате исследования установлено, что доминантной транспозиционной моделью является конативная метафора, сферой-источником которой выступают целенаправленные действия человека, для барочных текстов характерна ориентация на физиологические и социальные аспекты, для эпохи Просвещения – на личностные качества и когнитивные способности, в сентиментализме превалируют эмотивные метафоры.

EN

Anthropomorphic metaphors in German-language letter writing guides of the 17th-18th centuries: a diachronic perspective

M. V. Koryshev, E. M. Bogdanova

Abstract. The aim of the study is to reveal the dynamics of transformation in the semantic structure of German anthropomorphic metaphors of the 17th-18th centuries, based on the private letters from writing guides that represent the stylistic norm relevant to their time. The article presents a classification of 407 fragments of figurative renaming, identifies 12 thematic categories that form the motivational system of tropes, and compares its functioning in three diachronic sections. The scientific novelty lies in the fact that this work is the first to provide a chronological stratification of the system of anthropomorphic metaphors at the final stage of the formation of the German national language, differentiating the invariant and variable strategies of creating metaphors. As a result of the study, it was established that the dominant transpositional model is the conative metaphor, the source domain of which lies in purposeful human actions; Baroque texts are characterized by a focus on physiological and social aspects, while the Enlightenment period focuses on personal qualities and cognitive abilities, and sentimentalism is predominated by emotive metaphors.

Введение

Теория метафоры формируется на пересечении смежных гуманитарных дисциплин под влиянием сменяющихся научных парадигм. С 70-х гг. XX в. в языкознании утверждается когнитивный подход к изучению данного тропа, вбирающий в себя принципы, предложенные философией и психологией: метафора исследуется не только как факт языковой реноминации, обладающий стилистической ценностью, но и как инструмент познания мира. Рассмотрение диахронической динамики процессов вторичной номинации в перспективе обобщения опыта взаимодействия человека с различными аспектами действительности закладывает основу воссоздания лингвокогнитивного и лингвокультурологического образа конкретного исторического периода.

Метафора представляется априорно антропометричной вне зависимости от принадлежности к тематической группе, поскольку основывается на ассоциативных связях человека, осознающего себя исходной мерой познания и мыслящего в диапазоне «личностного тезауруса» (Телия, 1988, с. 41). Отдельно выделяемая антропоморфная модель транспозиционного переноса принадлежит к числу универсалий среди различных типов метафоризации (Ульман, 1970, с. 277).

Научная статья (original research article) | https://doi.org/10.30853/phil20260263

© 2026 Авторы. © 2026 ООО Издательство «Грамота» (© 2026 The Authors. © 2026 Gramota Publishing, LLC). Открытый доступ предоставляется на условиях лицензии CC BY 4.0 (open access article under the CC BY 4.0 license): https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/

Актуальность исследования обусловлена возрастающим значением и перспективностью диахронической метафорологии, допускающей моделирование образной системы выделенного временного континуума (Балашова, 1998; 2014; Кравцов, Соловьева, 2022) и прогнозирование дальнейшего развития процессов метафоризации в языке (Солопова, 2016). Данное направление изучения тропа активно развивается во взаимосвязи с теорией политической метафорологии и все чаще обращается к методам корпусной лингвистики (Дубин, 2022; Taylor, 2022; Zeng, Ahrens, Huang, 2023), создавая возможности для детального описания процессов становления и смены ценностных ориентиров в обществе. Установка на антропоморфизм достигает кульминации в лингвополитической персонологической метафорологии, в фокусе которой находятся лингвокогнитивные сценарии, продуцируемые конкретной языковой личностью или дискурсивным сообществом (Белютин, 2025; Сунь, Калинин, Игнатенко, 2021). Обращает на себя внимание, однако, недостаток лингвистических работ, выполненных в русле диахронии на материале немецкого языка. В немецкоязычном научном дискурсе изучение метафоры в динамике складывается под превалирующим влиянием философии, культурологии и литературоведения и фокусируется на выявлении универсальных, не закрепленных за конкретным языком ментальных концептов и динамик их развития в рамках определенного периода, ср.: *Epochenmetaphorik* ‘метафорика эпохи’ (Schlobach, 1980, S. 17), *Hintergrundmetaphorik* ‘фоновая метафорика’ (Blumenberg, 1998, S. 25). Исключение составляют исследования, в которых теория метафоры функционирует на стыке с фразеологией (Bock, 2022) и историей немецкого языка (Bock, 2023).

Цель исследования предполагает решение следующих задач: 1) выделение основных тематических областей, в рамках которых происходит процесс реноминации; 2) установление степени системности выявленных типов семантического переноса на протяжении рассматриваемого периода; 3) интерпретация полученных данных в контексте поэтики охваченных стилистических течений.

Высоким потенциалом для исследования динамических процессов в языковом воплощении системы образности обладают письмовники – собрания фиктивных эпистолярных текстов, создаваемые с целью обучения образованных граждан речевому этикету. На немецком языке подобные сборники издаются начиная с XVII в. Складываясь под влиянием поэтик, регламентирующих стиль литературного языка XVII-XVIII вв., они становятся отражением языковых норм своей эпохи и вместе с тем активно способствуют их формированию и закреплению. Видится, что изучение метафоры на материале собраний частных писем, воспроизводящих стилистические принципы своего времени и более приближенных к разговорной речи, чем другие письменные источники, позволяет сделать вывод о закономерностях функционирования данного тропа в языке обозначенного периода.

Материалом исследования послужили коллекции частных писем из трех письмовников. “Der Teutsche Secretarius” 1674 г. (Harsdörffer, 1674), дополненное переиздание 1655 г., хранящееся в Иностранном книжном фонде Российской национальной библиотеки (6.45.10.53), репрезентирует барочный стиль. Его автор, Г. Ф. Харсдерффер (Harsdörffer, 1674), также известен как создатель «Поэтической воронки», одной из наиболее значимых поэтик XVII в. Второй сборник, “Briefe, nebst einer praktischen Abhandlung von dem guten Geschmack in Briefen” (период издания: 1751-1769 г.) – программный труд Х. Ф. Геллерта (Gellert, 1769), опубликованный в эпоху Просвещения с целью проведения реформы эпистолярного стиля, которая заключается в стремлении к уподоблению письма устной речи. Последний письмовник, “Neuer kurzer doch gründlicher Briefsteller auf alle Fälle des Lebens”, изданный К. Ф. Валлизером (Walliser, 1790) в 1790 г., маркирует завершение эпохи сентиментализма и переход к романтизму. Объем собраний частных писем, представленных в сборниках, составляет 641 с., 105 с. и 172 с. соответственно.

Первым этапом анализа стало выделение в тексте всех метафор с последующим распределением отобранного материала по тематическим группам. Наиболее объемная и многоаспектная группа образована примерами, соотносимыми с антропоморфной сферой: выявлено 276 фрагментов в письмовнике Г. Ф. Харсдерффера (Harsdörffer, 1674), 93 в сочинении Х. Ф. Геллерта (Gellert, 1769) и 38 у К. Ф. Валлизера (Walliser, 1790), – что служит импульсом для дальнейшего изучения данной транспозиционной системы.

Теоретическую основу исследования составили: 1) работы, посвященные изучению метафоры в диахронии (Балашова, 1998; 2014; Кондратьева, 2014; Кравцов, Соловьева, 2022; Солопова, 2016; Bock, 2022; 2023; Specht, 2010; Schuster, 2022); 2) труды по теории метафоры, образующие в совокупности синтез когнитивного и лингвостилистического подхода (Москвин, 2007; Телия, 1988; Blumenberg, 1998; Lakoff, Johnson, 2003; Specht, 2014); 3) нормативные поэтики XVII-XVIII в., оказавшие влияние на формирование стиля своей эпохи (Opitz, 1624; Harsdörffer, 1650; Neukirch, 1724); 4) теоретические труды по истории поэтики и эстетики (Barck, Fontius, Schlenstedt et al., 2005; Hauser, 1978; Markwardt, 1958; Wegmann, 1988).

К основным методам исследования относятся дистрибутивный анализ, используемый для верификации наличия метафорического переноса на синтагматическом уровне посредством обращения к контекстуальному окружению языковой единицы, формирующей основу тропа; компонентный анализ для выявления сем, участвующих в создании вторичного смысла, и типологизации метафор на основе их устойчивых комбинаций; сравнительно-исторический анализ, который интегрирует результаты названных методов для реконструкции моделей метафорического переноса, превалирующих в каждом из рассматриваемых периодов, установления тенденций их развития под влиянием экстралингвистических факторов и эволюции эпистолярного стиля.

Практическая значимость обусловлена возможностью применения результатов, полученных в ходе проведения исследования, при разработке курсов по исторической стилистике немецкого языка.

В работе совмещаются две перспективы анализа текстов исследуемых письмовников: с одной стороны, при помощи инструментов доказательной лингвистики получаются данные, которые уже сами по себе дают некоторое представление о направлении развития антропоморфной метафорики в немецкой литературе;

с другой стороны, полученные данные истолковываются с учетом историко-культурного контекста в рамках социологического подхода, присущего петербургской филологической школе, сильная сторона которой заключается в отказе от истолкования текстового материала без учета социально-исторического аспекта существования общества – носителя культурной традиции (Жирмунский, 1964). Отметим, что такой подход близок германской филологической школе (Hauser, 1978).

Обсуждение и результаты

Исходной точкой семантической классификации метафоры в настоящей работе является группировка тропа по тематической принадлежности вспомогательного субъекта реноминации, лежащего в основе семантической транспозиции. Хотя для исследований метафоры в диахронии избирается преимущественно лингвокогнитивный подход (Балашова, 1998; 2014; Кондратьева, 2014; Кравцов, Соловьева, 2022; Specht, 2010; Schuster, 2022), в русле которого троп мыслится как концептуальная модель, раскладываемая на сферу-источник и сферу-мишень (Lakoff, Johnson, 2003), при детальном анализе выявленных в тексте метафор устанавливается, что отдельные типы метафорического переноса не обладают достаточной системностью (в том числе потому, что она может не проявляется в границах исследуемого материала), позволяющей говорить о наличии закрепившегося в языковом сознании концепта. Вследствие этого фактора классификация осуществляется в соответствии с представлением о метафоре как об элементе «мотивационной системы» (Москвин, 2007, с. 113) – тематически когерентной сферы, смысловым ядром которой является область источника образа. Так, в семантическом центре антропоморфной мотивационной системы закладывается факт сопоставления референта с человеком; на периферии оказываются отдельные подкатегории, образуемые по принципу проведения аналогии с человеческими действиями, стремлениями, чувствами, социальными функциями и т. п. Полагая, что антропоморфная метафора является следствием антропометричности сознания человека, в силу которой наблюдаемое в окружающей действительности соотносится в первую очередь с его личным опытом, мы не исключаем из рассматриваемой нами мотивационной системы те транспозиции, которые подлежат двухвекторной трактовке *антропоморфность/зооморфность*.

В результате анализа материала были выявлены 12 тематических категорий антропоморфной метафоры. Для удобства прочтения количественные данные отображаются в формате тепловой карты (Иллюстрация 1), на которой интенсивность цвета соотносится с интенсивностью употребления конкретного тематического подвида тропа.

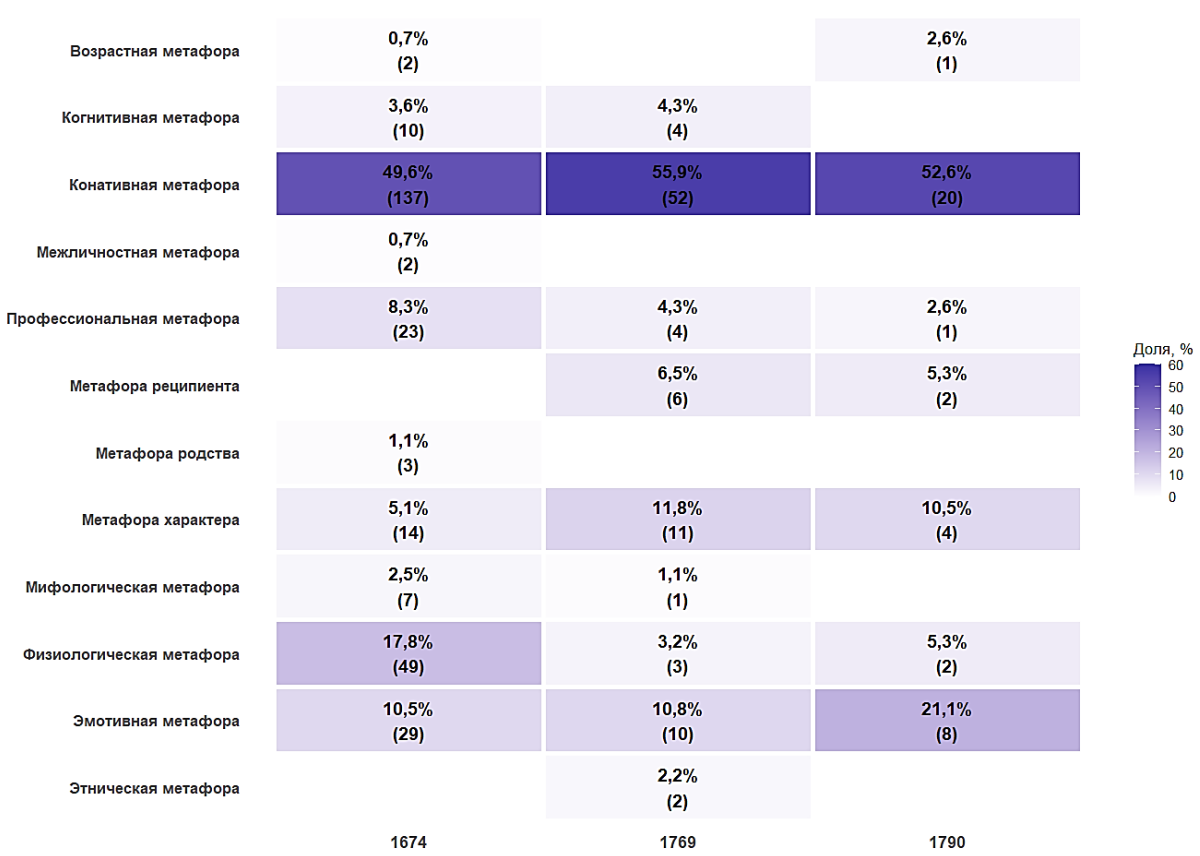

Иллюстрация 1. *Распределение тематических подгрупп антропоморфной метафоры в письмовниках 1674, 1769 и 1790 гг.*

На основе полученных процентных показателей, позволяющих сопоставить тексты разного объема, для каждого сборника выстраивается мотивационная система в виде радиальной диаграммы (Иллюстрации 2-4).

Иллюстрация 2. *Мотивационная система антропоморфной метафоры, 1674 г.*

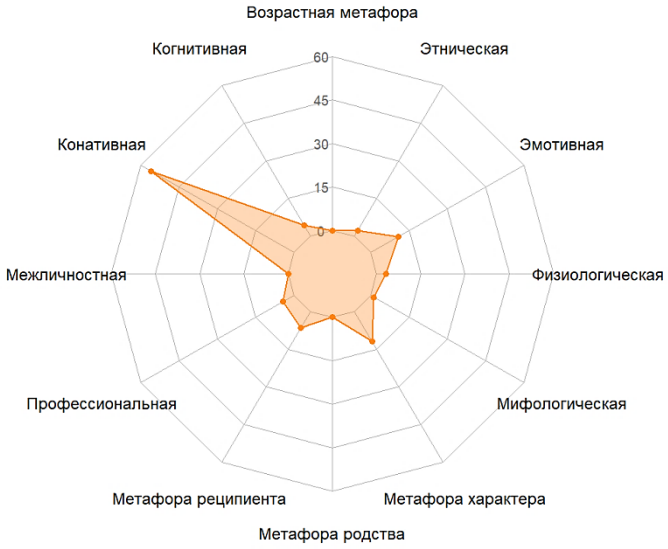

Иллюстрация 3. *Мотивационная система антропоморфной метафоры, 1769 г.*

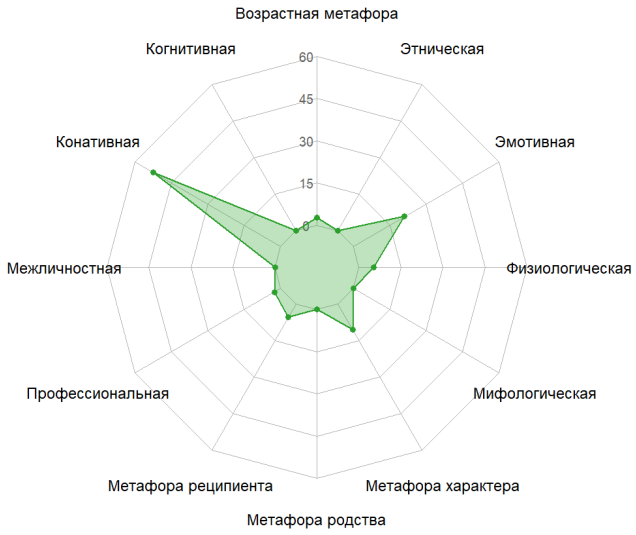

Иллюстрация 4. *Мотивационная система антропоморфной метафоры, 1790 г.*

Приведенный иллюстративный материал позволяет сделать вывод о наличии доминантного для всей системы типа семантической транспозиции, ведущей к образованию тропа, – конативной метафоры, которая наделяет неодушевленный объект или абстрактную сущность способностью совершать целенаправленные действия. Данная тропеическая модель обладает наибольшей устойчивостью на протяжении всего выделенного периода, составляя примерно половину от всех употреблений антропоморфной метафоры в каждом сборнике, однако направленность ее прагматического потенциала варьируется в соответствии с требованиями эпохи.

В барочных письмах конативная метафора (49,6%) выступает в качестве дидактического элемента и персонифицирует абстрактные сущности, указывая на истинные и ложные жизненные ценности: (1) *Das Ohr / oder das Gehör scheinet die Sache tieffer* ***zu ergründen*** */ und* ***belernet*** *den Verstand viel besser / als das Gesicht…* (Harsdörffer, 1674, S. 110). / «Ухо, или слух, кажется, глубже проникает в суть вещей и наставляет разум гораздо лучше, чем на то способен внешний облик… (здесь и далее перевод наш. – *М. К., Е. Б.*)»; (2) *Also ist die Schwelgerei ein Laster / welche uns auf frischer That* ***angreift*** */ und ihre* ***Bestraffung nicht*** *wie andre Sünden* ***verzögern lässet*** (Harsdörffer, 1674, S. 107). / «Итак, неумеренность – это порок, который застает нас за провинностью и, в отличие от других грехов, не заставляет долго ждать наказания». В установленной закономерности проявляется следование принципу, предписанному в поэтике Г.Ф. Харсдерффера (Harsdörffer, 1650, S. 5, 11): образы, создаваемые с целью персонификации пороков и добродетелей, должны быть настолько живыми, чтобы можно было ощутить их присутствие.

В письмах из сборника Х.Ф. Геллерта, приходящегося на эпоху Просвещения, конативная метафора (55,9%) служит инструментом рационализации чувств и, следуя культу разума, выстраивает когнитивную дистанцию между личностью и ее эмоциональными состояниями, наделяя последние ответственностью за поступки, способные повлиять на решение человека: (3) *Da sollen unsere Umarmungen erst angehen, wenn uns eine gewisse* ***Stimme in unserm Herzen sagen wird****, daß wir es sind, die sich einander suchen* (Gellert, 1769, S. 111). / «Пусть мы соединимся в объятиях лишь тогда, когда некий голос в нашем сердце скажет, что мы созданы друг для друга»; (4) *Du mußt besser sein, als ich; weit besser, weil die Liebe so sehr für Dich* ***sorgt,*** *und für mich gar nicht* (Gellert, 1769, S. 157). / «Ты должен быть лучше, чем я, потому что любовь так заботится о тебе, а обо мне не заботится нисколько».

В письмовнике 1790 г., соотносимым с эпохой сентиментализма, эмотивная составляющая конативного образа (52,6%), напротив, выступает на первый план тем отчетливее, чем большей автономией наделяется. Как сами чувства, так и их телесно-ориентированные проявления (например, слезы) способны управлять состоянием человека: (5) *Nicht das Gefühl meiner Leiden* ***preßt*** *sie mir* ***aus****, es sind Thränen herzlicher Reue* (Walliser, 1790, S. 118). / «Не чувство страдания выжимает их из меня – это слезы искреннего раскаяния» (Walliser, 1790, S. 118); (6) *Hierbei stürzten dem ehrlichen Alten die Thränen aus den Augen,* ***um****, wie es schien, noch* ***die letzten Aufwallungen seiner gereizten Empfindlichkeit wegzuweinen*** (Walliser, 1790, S. 63). / «Тогда из глаз честного старика потекли слезы, словно желая выплакать последние порывы его раздраженной чувствительности».

Если исходить из частотности других видов семантической транспозиции, наиболее выраженными на протяжении всего охваченного периода оказываются метафоры, соотносящие черты референта с телесным обликом человека, его личностными качествами, чувствами и способностью осуществлять профессиональную деятельность. Соответственно, возникают физиологические метафоры, метафоры характера, эмотивные и профессиональные метафоры.

Физиологическая метафора наиболее употребительна в эпоху барокко (17,8%). Как и конативная метафора, она служит для создания живого образа добродетелей и пороков: (7) *die Augen des Verstandes* (Harsdörffer, 1674, S. 84). / «очи разума»; (8) *das Aug deß Glaubens und der Weisheit* (Harsdörffer, 1674, S. 103). / «око веры и мудрости»; (9) *Augen deß Ehebruchs* (Harsdörffer, 1674, S. 614). / «очи супружеской измены»; (10) *Gefässe der Ehren* (Harsdörffer, 1674, S. 400) / «сосуды, по которым течет невинность» и (11) *Gefässe der Unehren* (Harsdörffer, 1674, S. 400). / «сосуды, по которым течет вероломство». Указанные примеры можно свести к категории тропов, закрепившихся в барочных поэтиках под наименованием *Gleichnisse* (Barck, Fontius, Schlenstedt et al., 2005, S. 75; Markwardt, 1964, S. 74): это аллегорические иносказания на границе между метафорой и метаморфозой, в основе которых закладывается сопоставление разноплановых материй, как правило, предметных и абстрактных, прежде всего – преходящих и вечных, с целью отображения непостижимой многогранности мироустройства. Сам Г.Ф. Харсдерффер (Harsdörffer, 1674) характеризует подобные синкретические реноминации как «трость нашего слепого разума», «стеклянный сосуд, сквозь который вино или иной изысканный напиток (то есть любое учение) видится яснее и приятнее» (Цит. по: Barck, Fontius, Schlenstedt et al., 2005, S. 100). Избранный синтагматический шаблон – Genitivus possessivus – утверждается, судя по всему, как наиболее емкий способ создания аллегорического образа. Непосредственное соположение двух субъектов из разных жизненных сфер вызывает удивление и способствует запоминанию образа, чем подкрепляется эффективность дидактической установки, неизменно присутствующей в барокко. В трактате И. Г. Нойкирха (Neukirch, 1724, S. 146), предписывающем правила функционирования поэтического языка начала XVIII в., генитивная метафора продолжает выделяться как один из предпочтительных для употребления тропов.

Метафора характера наиболее свойственна середине XVIII в. (11,8%) и формульна в сочетании с лексемой *Herz* ‘сердце’: (12) *Nein, Ihr Verstand preißt solche Arbeiten, und Ihr gar zu* ***gewissenhaftes*** *Herz verwirft sie* (Gellert, 1769, S. 124). / «Нет, Ваш разум превозносит подобные труды, а Ваше чрезмерно совестливое сердце отвергает их»; (13) *Ihr Herz ist eben so* ***freundschaftlich****, als das meinige. Sie lieben mich eben so sehr, als ich Sie liebe* (Gellert, 1769, S. 155). / «Ваше сердце так же доброжелательно, как и мое. Вы любите меня ровно так же сильно, как и я Вас». Отграничить данные примеры от синекдохи позволяет субституционный анализ, который осуществляется на основе трансформации развертывания, ср.: *совестливое/дружелюбное сердце → сердце совестливо/*

дружелюбно, как человек. Мы имеем дело не с отношением *pars pro toto* ‘часть вместо целого’, а с образом автономного чувственного мира, символом которого выступает сердце. На закрепленность данной символики в эпистолярном дискурсе второй половины XIX в. и ее метафорическую природу указывает, ссылаясь на письма И. Г. Гердера и Ф. Г. Клопштока, А. Кошорке (Koschorke, 2003, S. 214-215). Более того, в исследовании отмечается развитие так называемого *письма сердца* ‘Herzensschrift’ (Koschorke, 2003, S. 214) на разветвлении между рококо и сентиментализмом: дистанцированность адресанта и адресата письма становится предпосылкой для аффектирования выражаемых чувств, физическое отсутствие восполняется проявлением душевных порывов.

В связи с этим представляется закономерным возросшее в 1790 г. число эмотивных метафор (21,1%), половина которых закрепляется за той же лексемой: (14) *Die Kränkung, welche* ***sein väterliches Herz gelitten habe****, wird aufs neue wieder rege* (Walliser, 1790, S. 63). / «Обида, которой, как говорят, измучилось его отцовское сердце, снова пробуждается»; (15) *Ich erfülle nicht bloß die Pflicht der Höflichkeit, sondern folge vielmehr der* ***Neigung meines Herzens*** (Walliser, 1790, S. 148). / «Я не просто выполняю долг вежливости, а скорее следую зову своего сердца». Как особенно отчетливо видно из примера (15), в последнем сборнике узуальность подобных образов переходит в клишированность, что объясняется стилистической установкой конца XVIII в. Согласно Н. Вегманну (Wegmann, 1988, S. 82), эпистолярный стиль эпохи сентиментализма стремится избежать художественных приемов в силу их неестественности и следует утопическому представлению о тождественности плана выражения и плана содержания при упоминании чувственных аспектов, вербализация эмоциональных состояний приравнивается к их проживанию. Названному принципу следует и эмотивная метафора. В стремлении выйти за рамки риторического она сама непроизвольно становится основообразующим элементом видоизмененной риторики.

Профессиональная метафора характерна преимущественно для барочной эпистолярной традиции (8,3%) и предполагает соотнесение повседневного опыта с определенной сферой социальной практики; профессиональные функции приписываются различным референтам – от телесно-аффективных проявлений до средств коммуникации: (16) *Die Thränen sind* <…> ***die Herolde unsrer Gedanken*** */* ***Seelen*** (Harsdörffer, 1674, S. 654). / «Слезы – глашатаи наших мыслей, душ»; (17) *der Menschen Gedanken / deren* ***Dolmetscher*** *die Schrift ist* (Harsdörffer, 1674, S. 17). / «Мысли людей, переводчик которых – письмо». Абсолютизм превращает профессию в отдельную составляющую упорядоченной системы сословий и должностей, где даже абстрактные сущности действуют в соответствии с социальным порядком.

В сборниках 1674 и 1790 гг. к пяти наиболее распространенным тематическим подвидам относится также метафора реципиента (6,5%, 5,3%): в результате метафорической проекции абстрактная сущность – в первую очередь переживания, оказывающие сильное воздействие на человека, такие как любовь, смерть и др., – интерпретируется как живой субъект, способный к восприятию направленного на него действия: (18) *Genug, ich warf mich unter einen Baum im Garten, und* ***bat den Tod*** *recht inständig, daß er mich gen Himmel holen sollte; so verhaßt war mir die Welt* (Gellert, 1769, S. 101). / «Довольно, я бросился под дерево в саду и молил смерть забрать меня на небеса; так ненавистен был мне мир»; (19) *Lassen Sie mich* ***Ihrer gewohnten väterlichen Liebe*** *auch für’s künftige bestens* ***empfohlen sein*** (Walliser, 1790, S. 152). / «Позвольте мне и впредь наилучшим образом рекомендовать себя Вашей неизменной отеческой любви». Персонификация выходит за границы барочной концепции Theatrum Mundi, согласно которой каждый объект действительности становится действующим актером, и проявляется в новой семантической роли – роли пациенса.

Второстепенными элементами мотивационной системы оказываются тематические группы, характерные преимущественно для одного отдельно взятого периода. В барочных текстах встречаются мифологические метафоры (2,5%) – аллегории, отсылающие к античной мифологии, ср.: (20) *Inzwischen hält* ***Mars*** *so wol als* ***Bachus*** *seine politische Soldaten in fleissiger Ubung / daß man die von dem Wein verwundte / vielmals als todtkranke besuchen muß* (Harsdörffer, 1674, S. 319). / «Между тем Марс, как и Бахус, не дает отдыхать своим солдатам, поэтому раненых вином зачастую приходится навещать как смертельно больных». В приведенном фрагменте имена античных божеств эвоцируют в сознании аллегории войны и экстатического употребления вина. Следует отметить, что столкновение христианских ценностей, формирующих фундамент барочной этики, с языческой образностью становится для XVII в. предметом полемики. В попытке ее разрешения М. Опиц (Opitz, 1624, S. 22, 39) включает в свою поэтику подкрепленный примерами тезис, согласно которому обращение к античным мотивам признается исключительно элементом поэтического вкуса; им также описываются правила склонения латинских и греческих имен при употреблении подобных аллегорий, что подчеркивает их закрепленность в языковом сознании.

Встречаемая в письмовнике 1674 г. межличностная метафора (0,7%) призвана концептуализировать взаимосвязь между абстрактными категориями: (21) *die zwo* ***Freundinne*** */ Tugend und Glück* (Harsdörffer, 1674, S. 51). / «Те две подруги – добродетель и счастье». Узуальность данного типа персонификаций объясняется их закрепленностью в барочной эмблематике – визуализированных метафорах. Так, в собрании аллегорических эмблем XV-XVII вв. прослеживаются следующие образы: религия – подруга искренности, поэзия – подруга общественной деятельности и сестра красноречия (Henkel, Schöne, 1976, S. 1568, 1599). Тематически смежная метафора родства (1,1%) употребляется в барочных письмах с иной интенцией. Она встречается в замкнутых метафорах – симфорах (Москвин, 2007, с. 138), – которые выполняют роль загадок, развлекающих адресата. Например, о молве/слухе сказано следующее: (22) *mein* ***Vatter*** *freier Sinn* (Harsdörffer, 1674, S. 688). / «Мой отец – вольный дух».

Когнитивная метафора закономерно более частотна в письмовнике середины XVIII в. (4,3%), изданном в период утверждения философии рационализма, и не наследуется сентиментализмом, ср.: (23) *Ihr gutes Herz wird bei so vielen Beispielen, die besser lehren, als alle Regeln, leicht* ***ausgebildet*** (Gellert, 1769, S. 166). / «При наличии столь большого числа примеров, которые наставляют лучше, чем любые правила, Ваше доброе сердце легко обучится».

Единичные вкрапления возрастной метафоры в сборниках 1674 и 1790 гг. сводятся к узуальному образу Амура/Купидона, изображаемого в виде ребенка или юноши, как аллегории любви: (24) *Welche die Liebe schänden / betrachten derselben Bildniß: Es ist ein* ***Kind*** */ das entblößt / beflügelt / mit Pfeilen und Bogen bewaffnet* <…> (Harsdörffer, 1674, S. 400-401). / «Перед теми, кто глумится над любовью, предстает ее образ: это обнаженное дитя с крыльями, вооруженное луком и стрелами».

Наконец, этническая метафора, дважды встречаемая в собрании писем 1769 г., проявляется как окказионализм Х. Ф. Геллерта, описывающего свое пребывание в сельской местности: (25) *Ich füttere also Hüner, Truthüner, Enten, Gänse, Tauben, alles unter einander, und überzähle* ***meine Nation*** (Gellert, 1769, S. 185). / «Я кормлю кур, индюков, уток, гусей, голубей, всех вместе, и пересчитываю свою нацию».

Итогом количественно-качественного анализа материала служит сводная радиальная диаграмма, отображающая динамику трансформации мотивационной системы антропоморфной метафоры (Иллюстрация 5).

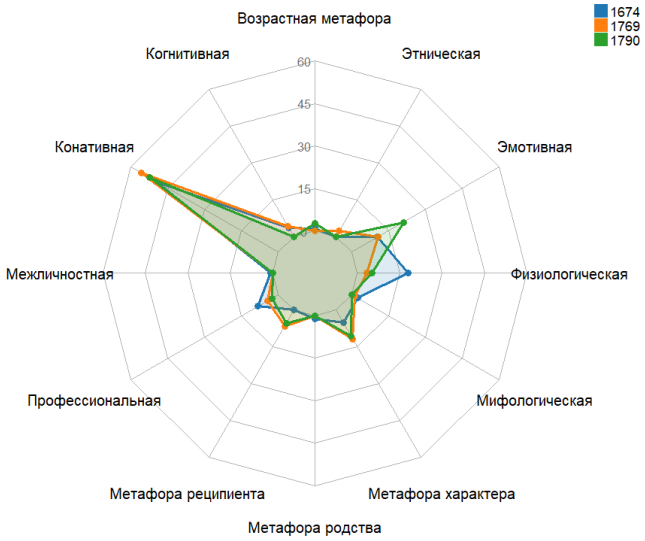

Иллюстрация 5. *Мотивационная система антропоморфной метафоры в динамике*

При соположении трех диахронических срезов становится явным снижение экстенсивности, характерной для барочной модели с наиболее широким тематическим спектром, в пользу интенсификации отдельных категорий: при постепенном сокращении числа выявляемых подгрупп наблюдается усиление роли доминантных для разных эпох типов транспозиционного процесса. Так, срезы 1769 и 1790 гг. перекрывают заданный в 1674 г. контур конативной метафоры, что свидетельствует о возросшей продуктивности данного подвида; заметно более выраженными оказываются также метафора реципиента и метафора характера, при этом снижается частота встречаемости физиологической и профессиональной метафоры, элиминируются такие подвиды, как межличностная метафора и метафора родства. Система образца эпохи сентиментализма характеризуется особой интенсивностью употребления эмоциональной метафоры. Наконец, срез 1769 г. практически полностью вписывается в границы, заданные предшествующей и последующей эпохами; он не привносит в анализ статистически значимых выбросов, выделяющихся на фоне общей выборки, однако подчеркивает когерентность мотивационной системы.

Заключение

По результатам проведенного исследования мы приходим к следующим выводам. Конативная метафора выступает в роли универсального семантического шаблона антропоморфной метафоры XVII-XVIII вв.: персонифицируемые явления, сущности или объекты действительности мыслятся как субъекты, сознательно вступающие во взаимодействие с окружающим миром. В письмах эпохи барокко выделяются физиологические метафоры, соотносящие телесность человека – видимое в повседневной жизни и доступное для понимания – с духовными ценностями с целью постижения последних. Метафоры, наделяющие неодушевленные субъекты профессией, указывают на значимость социальной иерархии в XVII в. В качестве сопутствующих моделей переноса выступают узуальные аллегории, опирающиеся на античную мифологию (мифологическая и возрастная метафоры), и межличностная метафора, которая концептуализирует сходства или различия между абстрактными сущностями, тем самым направляя процесс их познания. В мотивационной системе, выстроенной на материале письмовника эпохи Просвещения, выделяются аналогии, проводимые с характером человека и его разумом при заметной элиминации опоры на телесность. Соответственно, гносеологическим ориентиром становятся личностные качества человека и его когнитивные функции. В систему включается новый подвид тропа – метафора реципиента, в рамках которой атропоморфируемый субъект, наделяемый способностью к восприятию апеллятивной функции, становится неотъемлемым элементом коммуникации. Наконец, к концу

XVIII в. на первый план выходит эмотивная метафора, за которой следуют метафора характера и реципиента: фокус полностью переносится на внутренний мир человека и его восприятие действительности.

В рамках рассматриваемого периода прослеживается постепенное сокращение числа тематических групп, формирующих мотивационную систему тропа. Наиболее многогранной антропоморфная метафорика представляется в письмах XVII в., в которых элементы вторичной образности нередко выступают в качестве риторического шаблона дидактической направленности, предписанного поэтиками. Эстетическая составляющая образа служит доказательством величия немецкого языка, поучительная интенция призвана помочь человеку ориентироваться в хаотичном мире – все это последствия хронологически близкой Тридцатилетней войны, после которой возникает необходимость обретения прочных опор.

Начиная со сборника Х. Ф. Геллерта (Gellert, 1769), изданного с целью обозначить отказ от неестественности барочного стиля и уподобление письма устной беседе, метафора конституируется как непроизвольно задействуемый эвристический инструмент. Стремление приблизить эпистолярный стиль к повседневной речи перенимается сентиментализмом, однако в результате попытки выразить через метафору спектр эмоциональных переживаний зарождается новая риторическая установка.

В качестве перспектив дальнейшего исследования могут быть названы два вектора расширения анализа: изучение диахронических динамик других мотивационных систем и отдельных тематических категорий вторичной образности, выявленных в ходе изучения представленных эпистолярных сборников (натуралистическая метафора как система, ольфакторная, оптическая и др. метафоры как малые категории); выбор более пространной хронологической рамки, охватывающей не только начальный этап существования письмовника как типа текста, но и последующие этапы его активного распространения (XIX-XX вв.).

Материалы исследования | Research materials

1. Harsdörffer G. Ph. Der Teutsche Secretarius. Nürnberg: In Verlegung Christoph Endkers, 1674.
2. Gellert Ch. F. Briefe, nebst einer praktischen Abhandlung von dem guten Geschmacke in Briefen. Leipzig: Wendler, 1769.
3. Walliser K. F. (Hg.) Neuer kurzer doch gründlicher Briefsteller auf alle Fälle des Lebens. Klagenfurt – Leipzig, 1790.

Источники | References

1. Балашова Л. В. Метафора в диахронии (на материале русского языка XI-XX веков). Саратов: Саратовский государственный университет им. Н. Г. Чернышевского, 1998.
2. Балашова Л. В. Русская метафора. Прошлое, настоящее, будущее. М.: Языки славянской культуры, 2014.
3. Белютин Р. В. Метафорическое моделирование образа экс-канцлера Германии О. Шольца в немецком политическом дискурсе // Известия Смоленского государственного университета. 2025. № 3 (71). https://doi.org/10.35785/2072-9464-2025-71-3-127-138
4. Дубин П. П. Статистический эксперимент над метафорическими переменными // Политическая лингвистика. 2022. № 2 (92).
5. Жирмунский В. М. Введение в сравнительно-историческое изучение германских языков. М.: Наука, 1964.
6. Кондратьева О. Н. Метафорическое моделирование концепта «душа» в древнерусской лингвокультуре. М.: Перо, 2014.
7. Кравцов С. М., Соловьева Е. А. Метафора сквозь призму когнитивистики и диахронии (на материале французского языка). Ростов н/Д. – Таганрог: Изд-во Южного федерального университета, 2022.
8. Москвин В. П. Русская метафора: очерк семиотической теории. Изд. 3-е. М.: Лучшие компьютерные игры, 2007.
9. Солопова О. А. Диахроническая сопоставительная метафорология. Исследование моделей будущего в политическом дискурсе. Изд-е 2-е, стер. М.: Флинта, 2016.
10. Сунь Ю., Калинин О. И., Игнатенко А. В. Использование индексов метафоричности для анализа речевого воздействия метафоры в текстах публичных выступлений политиков // Russian Journal of Linguistics. 2021. № 25 (1). https://doi.org/10.22363/2687-0088-2021-25-1-250-277
11. Телия В. Н. Метафора как модель смыслопроизводства и ее экспрессивно-оценочная функция // Метафора в языке и тексте / отв. ред. В. Н. Телия. М.: Наука, 1988.
12. Ульман С. Семантические универсалии // Новое в лингвистике. Вып. 5. М.: Прогресс, 1970.
13. Barck K., Fontius M., Schlenstedt D., Steinwachs B., Wolfzettel F. (Hg.) Ästhetische Grundbegriffe: Historisches Wörterbuch in sieben Bänden. Stuttgart – Weimar: Metzler, 2005. Bd. 7: Register und Supplemente.
14. Blumenberg H. Paradigmen zu einer Metaphorologie. Frankfurt a. M.: Suhrkamp Verlag, 1998.
15. Bock B. Das Pulverfass – zur Erfolgsgeschichte einer dingästhetischen Zeit-Metapher // Немецкая филология в Санкт-Петербургском государственном университете. 2022. № 10.
16. Bock B. Der Stammbaum — eine multimodale Wortgeschichte // Немецкая филология в Санкт-Петербургском государственном университете. 2023. № 12.
17. Harsdörffer G. Ph. Poetischer Trichter. 2. Aufl. Nürnberg: Endter, 1650. Bd. 1.
18. Hauser A. Sozialgeschichte der Kunst und Literatur. München: C. H. Beck, 1978.

19. Henkel A., Schöne A. (Hg.) Handbuch zur Sinnbildkunst des XVI. und XVII. Jahrhunderts. Stuttgart: Metzler, 1976.
20. Koschorke A. Körperströme und Schriftverkehr. Mediologie des 18. Jahrhunderts. München: Wilhelm Fink Verlag, 2003.
21. Lakoff G., Johnson M. Metaphors We Live By. Chicago – L.: The University of Chicago Press, 2003.
22. Markwardt Br. Geschichte der deutschen Poetik. Berlin: Walter de Gruyter & Co., 1964. Bd. I: Barock und Frühaufklärung.
23. Neukirch B. Anfangs-Gründe zur Reinen Teutschen Poesie. Halle, 1724.
24. Opitz M. Buch von der Deutschen Poeterey. Breslau: In Verlegung David Müllers Buchhändlers, 1624.
25. Schlobach J. Zyklentheorie und Epochenmetaphorik. Studien zur bildlichen Sprache der Geschichtsreflexion in Frankreich von Renaissance bis zur Frühaufklärung. München: Fink, 1980.
26. Schuster D. "Weis" dem bösen Geist die Tür". Krankheitsmetaphern in frühneuzeitlichen Gesundheitsratgebern (1500-1700) // Medizinhistorisches Journal. 2022. L. 57. № 4.
27. Specht B. Epochale Metaphern. Strukturen und Funktionen kulturspezifischer Bildlichkeit // Epoche und Metapher / hg. B. von Specht. Berlin – Boston: De Gruyter, 2014.
28. Specht B. Physik als Kunst. Die Poetisierung der Elektrizität um 1800 // Studien zur deutschen Literatur. Berlin – N. Y.: De Gruyter, 2010. Bd. 193.
29. Taylor C. The affordances of metaphor for diachronic corpora & discourse analysis: water metaphors and migration // International Journal of Corpus Linguistics. 2022. Bd. 27. № 2.
30. Wegmann N. Diskurse der Empfindsamkeit. Zur Geschichte eines Gefühls in der Literatur des 18. Jahrhunderts. Stuttgart: Metzler, 1988.
31. Zeng W. H., Ahrens K., Huang C. R. Tracing Social Change through Metaphor: A Diachronic Corpus-Assisted Analysis // Proceedings of the 37th Pacific Asia Conference on Language, Information and Computation, 2023.

Информация об авторах | Author information

RU

Корышев Михаил Витальевич[1], к. филол. н., доц.
Богданова Елизавета Михайловна[2]
[1] Санкт-Петербургский государственный университет
[2] Российская национальная библиотека, г. Санкт-Петербург

EN

Mikhail Vitalyevitch Koryshev[1], PhD
Elizaveta Mikhailovna Bogdanova[2]
[1] Saint Petersburg State University
[2] Russian National Library, St. Petersburg

[1] *m.koryshev@spbu.ru,* [2] *bogdanova.elizaveta.m@gmail.com*

Информация о статье | About this article

Дата поступления рукописи (received): 30.01.2026; опубликовано online (published online): 28.05.2026.

Ключевые слова (keywords): антропоморфная метафора; метафорическая мотивационная система; диахроническая метафорология; метафорическое моделирование; немецкоязычные письмовники; anthropomorphic metaphor; metaphorical motivational system; diachronic metaphorology; metaphorical modeling; German-language letter writing guides.